

О формировании позиции Тайваня относительно прав на объекты и пространства Южно-Китайского моря

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120016121-4

Дикарев Андрей Дмитриевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО (У), (адрес: 119454, Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9888-7708.

E-mail: andreydikarev@yahoo.com.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021.

Аннотация:

В статье освещена история складывания тайваньского дискурса относительно исторических и международно-правовых претензий на территориальные объекты (острова и скалы), пространства и ресурсы Южно-Китайского моря. Сравниваются подходы двух ведущих политических партий Тайваня (Гоминьдан и ДПП) к обоснованию прав на природные объекты в море и прилегающую акваторию. Подробно рассказано о причинах появления и исчезновения в тайваньском законодательстве концепции «исторических вод», на которые якобы должна была распространяться юрисдикция Китайской Республики. Освещены мероприятия Тайваня по «эффективной оккупации» двух объектов в ЮКМ (Тайпин и Дунша). Проанализированы изменения в официальной позиции Тайваня при различных администрациях. Соглашаясь во всем, что касается острова Тайпин, Гоминьдан и ДПП расходятся в отношении всех прочих участков суши в ЮКМ. При рассмотрении подходов к трактовке пресловутой «U-образной линии» выявляется фактическое смыкание внешнеполитических позиций КНР и Гоминьдана, вытекающее из представлений об общекитайской идентичности. Отношение к проблеме ЮКМ со стороны ДПП определяется тайваньской идентичностью ее сторонников. Фиксируется очевидное противоречие: ДПП с одной стороны провозглашает суверенитет Тайваня (Китайской Республики) над всеми объектами ЮКМ, демонстрируя единство «двух берегов пролива» по вопросу территориальной целостности Китая, с другой стороны прагматично признает невозможность фактического осуществления своего номинального суверенитета над спорными территориями, а также его сомнительность с точки зрения международного права. Подробно рассмотрены нюансы отношения Тайваня к вердикту гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю, нашедшие отражение в ряде правительственных заявлений. Определены причины отказа трибунала признать островом Тайпин — крупнейший объект в группе Наньша.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-514- 07003 «Проблемы развития российско-южноосетинских отношений и интеграционных инициатив в условиях экономических и дипломатических ограничений»

Ключевые слова:

Тайвань, КНР, Гоминьдан, ДПП, Южно-Китайское море, острова, территориальные споры, идентичность.

Для цитирования:

Дикарев А. Д. О формировании позиции Тайваня относительно прав на объекты и пространства Южно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 38–52. DOI: 10.31857/S013128120016121-4.

Китайские претензии на ЮКМ регулярно упоминаются и анализируются в СМИ и многочисленных научных статьях. Аналогичным претензиям Тайваня в этом отношении повезло меньше, что неудивительно, учитывая его уникальный статус в мировом сообществе, но прискорбно, поскольку затрудняет понимание его политики в регионе. К тому же иногда встречаются утверждения, что позиции КНР и Тайваня по отношению к

территориальным проблемам Южно-Китайского моря схожи или практически идентичны¹. Эта характеристика поверхностна и требует существенных уточнений.

КНР считает Тайвань лишь одной из своих провинций, у которой по определению не должно быть ни по одной международной проблеме своей особой позиции, отличной от позиции центральных властей КНР. Пресса КНР всегда охотно цитирует тайваньских политиков, когда те, рассуждая о территориальном суверенитете в ЮКМ, демонстрируют «твердость духа» и провозглашают единство устремлений всех соотечественников в желании «сохранить наследие предков китайской нации»². Общность между «двумя сторонами пролива» по одному из геополитических векторов проявилась, в частности, в резком неприятии обоими правительствами вынесенного 12 июля 2016 года вердикта Постоянной палаты Третейского суда (ППТС) в Гааге относительно иска Филиппин к Китаю. Тайвань и КНР буквально на следующий день практически синхронно заявили, что не считают себя связанными какими бы то ни было юридическими обязательствами в отношении этого вердикта.

Тем более важно выявить отличия в позициях КНР и Тайваня, рассмотреть, чем они определяются, показать, как в тайваньском дискурсе относительно ЮКМ сочетаются демократические (правовые) и квазиимперские (исторические) мотивы, в основе которых лежат различия в национальной самоидентификации различных слоев тайваньского общества.

КНР и Тайвань: выдвижение в море

Политика Тайваня в отношении ЮКМ начала меняться (а точнее — формироваться) в 1988 году, после того как впервые в истории КНР ее вооруженные силы появились на островах архипелага Наньша (Спратли). В конце 1987 года КНР заняла риф Файери Кросс, а в начале 1988 года — еще пять природных объектов. При высадке китайского военноморского подразделения на рифе Джонсон-Саут 14 марта 1988 г. произошло столкновение с вьетнамскими военными моряками, окончившееся для вьетнамцев трагически.

В то время единственным объектом в группе³ Наньша, который реально контролировался тайваньскими властями, был крупнейший остров Тайпин (Иту Абэ)⁴. Китайская оккупация рифов, находящихся поблизости от Тайпина, потребовала срочной консолидации морской политики Тайваня и приведение ее в соответствие с новыми правилами, отраженными в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее — Конвенция).

Деятельность тайваньской администрации в конце 1989 — начале 90 гг. распространилась на безлюдный атолл Пратас (Дунша). В 1989 г. министр внутренних дел Тайваня водрузил здесь стелу, напоминающую о суверенитете Китайской Республики над этим объектом. В июле 1991 г. правительство города Гаосюн установило мемориальную каменную плиту на острове, фиксируя тем самым его нахождение под юрис-

1. Васильев Д., Шавлай Э. Южно-Китайское море в противостоянии КНР И США в Азии // *Азия и Африка сегодня*, 2020. № 7. С. 62. Дикарев А.Д. Политические и правовые последствия вердикта гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю // *Общество и государство в Китае*. Выпуск 48. Часть.1 М.: 2018. С. 349.
2. 南海仲裁结果公布台湾当局度过最为骨气一天: [Вердикт трибунала по Южно-Китайскому морю объявлен: как прошел самый духоподъемный для администрации Тайваня день]. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/china/2016-07-14/doc-ifuapvs8382071.shtml> (дата обращения: 12.07.2021).
3. Большинство специалистов предпочитают не называть группу Спратли архипелагом вследствие большого разброса в расстояниях между объектами.
4. Тайваньский воинский контингент впервые был дислоцирован на острове в июле 1956 г. и остается там до сих пор. В 2000 г. Тайвань понизил градус милитаризации Тайпина: отряд морской пехоты сменила служба береговой охраны.

дикцией этого главного южнотайваньского города. В декабре 1991 г. на острове был установлен триангуляционный знак, что должно было означать переход к активному освоению этой территории.

Но при всей важности подобных практических мероприятий наибольшую сложность вызывало правовое обоснование претензий даже не столько на сами объекты, сколько на окружающие их воды.

«Исторические права» на акваторию ЮКМ

В июле 1989 года Министерство внутренних дел Тайваня уполномочило свой департамент управления земельными ресурсами образовать комитет по демаркации территориального моря и исключительной экономической зоны Тайваня. По информации норвежского исследователя К. Нордхауга, в состав комитета вошли трое ученых-правоведов: Фу Куньчэн, Нянь-Цзу Альфред Ху и Хуан И. Первые два в то время представляли так называемое «неосновное» (非主流派) крыло правящей партии Гоминьдан⁵. Эта фракция была связана со «старой гвардией» партии, которая поддерживала политику полного объединения острова с материком в будущем⁶.

Современные публикации подтверждают, что именно этот комитет, который консультировали юристы-сторонники «единого Китая», впервые ввел в оборот понятие «исторических вод», выдвигая на них претензии⁷. Действительно, в письме к английскому ученому Б. Хэйтону — одному из ведущих исследователей этой проблематики, профессор Фу заявил: «Я первый ученый в Китае, который для решения проблемы ЮКМ выдвинул идею исторических вод и ряд других, связанных с этим понятием концепций»⁸. Исследователи полагают, что история появления этой новации в китайских претензиях на ЮКМ в изложении тайваньского профессора, впоследствии ставшего директором Института Южных морей в Сямэньском университете КНР, вполне достоверна.

В октябре 1992 года при Министерстве внутренних дел Тайваня была создана межведомственная целевая группа для координации государственной политики в ЮКМ. Примерно в то же время правительственный департамент политического планирования, называемый «Комиссия по исследованиям, разработкам и оценке», опубликовал документ Фу Куньчэна, озаглавленный «Исследование правового статуса исторических вод Китайской Республики в Южно-Китайском море»⁹.

После нескольких месяцев обсуждений целевая группа 10 марта 1993 года согласовала перечень «Руководящих принципов политики в отношении Южно-Китайского

-
5. Nordhaug, Kristen. Taiwan's Policies in the South China Sea 1988–99 // *Pacific Review*. Vol. 14. Issue 4 (2001). Pp. 497, 506; Yann-huei Song and Peter Kien-hong Yu, 'China's "Historic Waters" in the South China Sea: An Analysis from Taiwan, R.O.C.' // *American Asian Review*, 1994. Vol. 12. Issue 4. Pp. 83–101.
 6. В течение 1991–1992 годов эта группа будет вести ожесточенную борьбу с новым руководством Гоминьдана против его политики «тайванизации» — движения к относительно большей независимости при сохранении принципа «одна страна-две системы». Многие члены партии, включая профессора Фу, выйдут из нее и сформируют в 1993 году так называемую Новую партию.
 7. Joyner, Christopher C. 'The Spratly Island Dispute: What Role for Normalizing Relations between China and Taiwan?' // *New England Law Review* 1998. Vol. 32. Issue 3. P. 827.
 8. Hayton Bill. The Modern Creation of China's 'Historic Rights' Claim in the South China Sea // *Asian Affairs*, 2018. Vol. 49. Issue 3. P. 375.
 9. 傅崐成, 南海U形疆界线的法律性质: [Фу Куньчэн. Правовой характер “U—образной” пограничной линии в Южно-Китайском море] // 社会观察 (Шэхуэй гуаньча). № 3, 2014. С. 55–57. См. также: Wang, Kuan-Hsiung. 'The ROC's Maritime Claims and Practices with Special Reference to the South China Sea' // *Ocean Development & International Law*, 2010. Vol. 41. Pp. 237–252.

моря», который был утвержден правительством (Исполнительным юанем) 13 апреля 1993 года. Во втором пункте Введения говорится: «Область Южно-Китайского моря в пределах исторических вод является морской зоной, на которую распространяется юрисдикция Китайской Республики, где она имеет все права и законные интересы»¹⁰.

Оставалось не вполне ясным, какая область моря относится к «историческим водам» и какими именно «историческими правами» обладает Китай (Тайвань) в таких водах. Оказалось, что под историческими правами, согласно тайваньским ученым, понимаются права на рыболовство, судоходство, научные исследования и приоритет в использовании природных ресурсов¹¹. Ключевое слово здесь — «приоритет», которое явно усложняет проблему дележки ресурсов моря между претендентами. Тайваньские эксперты демократично признают, что другие страны тоже могут иметь исторические права в этих водах, пересекающиеся с китайскими. В этом случае, по их мнению, нужны двусторонние соглашения, подобные тем, которые КНР заключает в отношении своих сухопутных границ.

На пресс-конференции 10 августа 1993 года председатель Комиссии по исследованиям, разработкам и оценке Сунь Тэсюн разъяснил и обосновал претензию на ЮКМ, заявив, что в ее основе — пресловутая «U-образная линия», разработанная в 1946–1947 гг. и впервые опубликованная в атласе Китая годом позже. Он заявил также, что акваторию моря в пределах этой линии следует рассматривать как «исторические воды» Китайской Республики¹². Они отличаются от «внутренних вод», но аналогичны «архипелажным водам»¹³.

Налицо совершенно иное толкование значения «U-образной линии», нежели во время первого ее появления на картах гоминьдановского Китая. Канадский историк Крис П.С. Чунг изучил недавно рассекреченные архивы Китайской Республики и обнаружил, что в 1946 и 1947 годах в правительстве КР был проведен ряд консультаций для определения существа китайских претензий. На заседании 26 сентября 1946 года правительственный комитет согласился использовать «Картосхему расположения островов в Южно-Китайском море (南海諸島位置略圖)», ранее нарисованную картографами Министерства внутренних дел, в обоснование принятого решения¹⁴. Эта карта стала первым китайским официальным документом, где была показана «U-образная линия», значение которой комитету было ясно: она обозначала области, которые следовало зафиксировать на бумаге и получить [от Японии], чтобы претендовать на все острова Южно-Китайского моря (接收南海各島應如何劃定接收範圍案). Комитет интересовали только острова. Никакого упоминания о водах, исторических или каких-либо других, в документах не было обнаружено¹⁵.

10. Sun, Kuan-Ming. Policy of the Republic of China towards the South China Sea' // *Marine Policy*, 1995. Vol. 19. Issue 5. P. 401.

11. Zou Keyuan and Liu Xincheng. "The Legal Status of U-shaped line in the South China Sea and its Legal Implications for Sovereignty, Sovereign Rights and Maritime Jurisdiction" // *Chinese Journal of International Law*", 14.1 (2015). P. 57–77.

12. В начале сентября 1993 года министр внутренних дел У Босюн и премьер-министр ЛяньЧань официально открыли в Тайбэе конференцию по Южно-Китайскому морю. Оба они упомянули о том, что его воды долгое время являлись историческими водами Китая. Hayton Bill. The Modern Creation of China's 'Historic Rights' Claim In The South China Sea // *Asian Affairs*, 2018. Vol. 49. Issue 3. P. 377.

13. Новация, появившаяся в Конвенции 1982 г. Но ни Китай, ни Тайвань не могут считаться «архипелажными государствами».

14. Hayton, Bill. 'The Modern Origins of China's Claims in the South China Sea: Maps, Misunderstandings, and the Maritime Geobody' // *Modern China*, 2019. Vol. 45 (2). P. 160. URL: <https://doi.org/10.1177/0097700418771678>.

15. Chung, Chris P.C. "Drawing the U-shaped line: China's claim in the South China Sea, 1946–1974" // *Modern China*, 2016. Vol. 42 (1). P. 43 (38–72).

Таким образом ясно, что концепция «исторических вод» в китайском официальном дискурсе появилась не ранее 1992 года, причем впервые это произошло на Тайване.

Споры о том, должна ли Китайская Республика претендовать на «исторические воды» в Южно-Китайском море, продолжались в течение пяти лет между «неосновной» группировкой в Гоминьдане, которая жестко выступала за политику «единого Китая», и сторонниками курса на «тайванизацию». Многие деятели основного крыла Гоминьдана рассматривали морские претензии как незначительный вопрос, по большей части не имеющий отношения к главным проблемам Тайваня. Максималистские же притязания на ЮКМ в лагере «единого Китая» можно трактовать как один из примеров национальной идентификации части жителей Тайваня в качестве «китайцев».

В начале 1990-х гг. в Тайбэе и Пекине параллельно разрабатывали внутреннее законодательство по морским вопросам. В результате и там, и там появилось по два отдельных законопроекта: один назывался «О территориальном море и прилегающей зоне» (中華民國領海及鄰接區法—Тайвань; 中华人民共和国领海及毗连区法—КНР), а другой — «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе» (中华人民共和国专属经济区和大陆架法—КНР; 中華民國專屬經濟海域及大陸礁層法—Тайвань)¹⁶. Первый из них был принят в КНР в 1992 г., на Тайване же он надолго завис в комиссии Законодательного юаня.

Из упомянутых выше «Руководящих принципов политики в отношении ЮКМ»¹⁷ следует, что Тайвань претендует на всю область в пределах пунктирной линии на основе принципа прав на исторические воды, предусмотренному в обычном международном праве. Поэтому ранние редакции тайваньского законопроекта «О территориальном море» трактовали ЮКМ как имеющее «исторические воды» (历史性水域), что соответствовало «Руководящим принципам...». Однако в позднейших редакциях понятие «исторические воды» из законодательства было убрано. Почему это произошло?

В период с 1992 по 1995 гг. в продвижении законопроекта не было достигнуто никакого прогресса. Его противники делились на две группы: одна — это юристы, утверждавшие, что в Конвенции по морскому праву отсутствуют какие бы то ни было основания для предъявления претензий на «исторические воды», вторая — так называемая «группировка независимости», которой не нравилась идея синхронизации выдвижения претензий Тайванем и КНР¹⁸. Возможность кооперации с КНР в сфере внешней политики долго муссировалась в тайваньском парламенте, но все разговоры о сотрудничестве в формулировании претензий на ЮКМ были прерваны после июня 1995 года, когда президент Тайваня Ли Дэньхуэй посетил Соединенные Штаты, что вызвало кризис в отношениях между Тайванем и Китаем, а также во внутренней тайваньской политике.

Убрать слова об исторических водах из законопроекта настойчиво предлагали главным образом члены фракции ДПП. Надо полагать, тем самым ДПП намеревалась убить двух зайцев: еще по одному параметру отличить Тайвань от КНР, а заодно и дистанцироваться от претензий, выдвигаемых международным сообществом в адрес Китая по поводу «пунктирной линии».

16. В официальных переводах на русский и английский языки законы называются одинаково, но для некоторых понятий и терминов на Тайване и в КНР используются различные слова.

17. 南海 政策纲领 : [Руководящие принципы политики в отношении Южно-Китайского моря]. URL: <http://www.cga.gov.tw/GipOpen/wSite/public/Attachment/f1259488571867.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).

18. Song, Yann-Huei and Zou Keyuan, 'Maritime Legislation of Mainland China and Taiwan: Developments, Comparison, Implications, and Potential Challenges for the United States' // *Ocean Development & International Law*, 2000. Vol. 31. Issue 4. P. 311.

К концу 1997 года фракция «противников исторических прав» в Законодательном юане одержала победу. Некоторые депутаты, впрочем, трактуют отказ от слов об исторических правах более мягко, как «компромисс среди законодателей»¹⁹. В декабре местные СМИ сообщили, что правительственная целевая группа рассмотрела «консенсус, достигнутый ранее в ходе внепартийных переговоров о временном отложении суверенитета над особыми историческими водами»²⁰. Эта фраза об особых водах, равно как и претензия на них, были исключены из тайваньского Закона о территориальном море и прилегающей зоне, принятого 21 января 1998 года. Упоминание об «исторических правах» отсутствует и в Законе об исключительной экономической зоне, принятом неделей позже.

Однако по другую сторону Тайваньского пролива, аналогичный закон КНР «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе» от 26 июня 1998 года в статье 14 содержит формулировку о том, что включение норм Конвенции по морскому праву в китайское законодательство «не повлияет» (不影响) на «исторические права»²¹ Китая (历史性权利)²².

Статья 14 в такой редакции была включена в Закон только на заключительном этапе его принятия на сессии ВСНП. Публичного объяснения необходимости ее появления предоставлено не было. Точное значение понятия «исторических прав» остается туманным. По мнению известного правоведа Цзоу Кэяня, «Китай стал первым и, возможно, единственным государством, которое включило свои исторические претензии в закон о ИЭЗ и континентальном шельфе, тогда как другие страны с этой целью издадут отдельные указы или заявления правительства»²³.

Итак, к 1998 году концепция китайских «исторических прав» в Южно-Китайском море была удалена из тайваньского законодательства, но обрела новую жизнь в КНР, где и по сей день продолжает, по словам историка Б. Хэйтона, «вдохновлять государственную политику, оказывая дестабилизирующее воздействие на весь регион»²⁴.

ДПП у власти (2000–2008)

Лидер ДПП Чэнь Шуйбянь активизировал деятельность на направлении ЮКМ лишь к концу своего второго президентского срока. В феврале 2008 года он стал первым в истории Тайваня президентом, посетившим остров Тайпин. Его сопровождал отряд военных кораблей. На Тайпине Чэнь Шуйбянь открыл новую ВПП и аэропорт, построенные в 2007 г.

Позиция ДПП по вопросу ЮКМ (как и по большинству вопросов международной политики) коренится в национальной тайваньской идентичности. Партия неустанно выступает за суверенитет над островом Тайпин, но в то же время избегает ссылаться на пунктирную линию или выдвигать более обширные претензии в ЮКМ. Одной из главных задач поэтому неизменно остается дистанцирование от политики и аргументации КНР. Наиболее радикальные деятели ДПП (как, например, секретарь Совета безопасно-

19. Wilson, Kimberly L. Party Politics and National Identity in Taiwan's South China Sea Claims: Don't Rock the Boat // *Asian Survey* Vol. 57, No. 2 (March/April 2017). P. 276.

20. Central News Agency (Taiwan), 'Taiwan Ministries to Meet on Handling South China Sea issue' translated in FBIS-CHI-97-355, 21 December 1997.

21. В официальном английском переводе — «права прошедших времен» (rights of the past times).

22. De Lisle, Jacques 'Troubled Waters: China's Claims and the South China Sea' // *Orbis*, 2012, Vol. 56. Issue 4. P. 616.

23. Zou Keyuan, 'Historic Rights in International Law and in China's Practice' // *Ocean Development & International Law*. Vol. 32 (2001). P. 160.

24. Hayton Bill. The Modern Creation of China's 'Historic Rights' Claim In The South China Sea // *Asian Affairs*, 2018, 49:3. P. 370–382. DOI: 10.1080/03068374.2018.1487689 p. 379.

сти Джозеф У) призывали не тратить силы на укрепление отношений с «экспансионистской державой, претендующей на необоснованные исторические права»²⁵. Формулируя позицию Тайваня по территориальным вопросам, функционеры ДПП неуклонно ссылаются на международное право, особенно на принцип «эффективной оккупации» (有效占领). При таком подходе Тайвань имеет бесспорные права на остров Тайпин (и чуть более спорные — на слабо освоенный атолл Дунша-Пратас), но ни на какие другие территории в ЮКМ.

Во время поездки на Тайпин Чэнь Шуйбянь провозгласил свою «Инициативу Наньша». ДПП до сих пор считает этот документ основой своей позиции по ЮКМ.

В ней было заявлено о поддержке духа и принципов, изложенных в «Декларации АСЕАН о поведении сторон в Южно-Китайском море» 2002 года, и необходимости мирного разрешения споров о территориях и юрисдикции. В регионе ЮКМ следует сосредоточиться на сохранении окружающей среды, а не на хищническом освоении морских ресурсов. В общем, согласно Инициативе, на смену спорам о суверенитете должна прийти совместная с другими государствами экологическая программа. Экологический крен программы ДПП был вполне в духе времени, но в реальности борьба Китая и других прибрежных стран за ресурсы моря становилась все более ожесточенной.

Во время своего пребывания на посту президента Чэнь Шуйбянь ничего не говорил про пунктирную линию, равно как и объекты суши в ЮКМ, занятые другими странами. Он сыграл важную роль в ослаблении аргумента об исторических водах, поскольку приостановил действие «Руководящих принципов» 1993 года. ДПП также распространила циркуляр для внутреннего пользования «Политика и позиция ДПП в отношении ЮКМ», в котором изложен особый взгляд на острова Наньша (Спратли), основанный «на суверенитете, исходящем с Тайваня, отличном от [территориальных претензий] КНР»²⁶. В документе используется понятие «исключительной экономической зоны ЮКМ», но ничего не говорится о «водах» вообще. Тайваньские аналитики усматривают здесь явный сигнал нежелания присоединяться к расширенным претензиям КНР в акватории ЮКМ. Итак, квинтэссенция позиции ДПП: Тайвань имеет суверенные права на Тайпин (Иту Аба), бесспорно являющийся, согласно нормам Конвенции, островом с 200-мильной ИЭЗ, а не скалой. Правовые основания претензий на остальные участки суши в ЮКМ сомнительны.

Президент Ма Инцзю (2008–2016) и обострение обстановки в ЮКМ

К концу второго срока президентства лидера партии Гоминьдан Ма Инцзю официально Тайваню опять пришлось обратить особое внимание на проблему ЮКМ в связи с поданным в 2013 году иском Филиппин к Китаю. Кроме того, Тайвань вынужден был реагировать на события в КНР, где после прихода к власти Си Цзиньпина началась новая эпоха в морской политике КНР²⁷. Экспансия КНР в море непосредственно затрагивала интересы Тайваня и беспокоила его руководство.

Гоминьдан и мелкие партии (Первая народная партия, Новая партия), по принципиальным вопросам обычно входящие с ним в коалицию, по вопросу ЮКМ демонстрируют общеитайскую идентичность и более склонны к сотрудничеству с Пекином.

Сам Гоминьдан в своих документах упоминает о территориях ЮКМ как об историческом наследии, но старается избегать ссылок на карту с изображением пунктирной

25. Wu, Jaushieh Joseph. The Future of U.S.-Taiwan Relations 14/05/2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/05/the-future-of-u-s-taiwan-relations> (accessed: 25.07.2021).

26. Цит. по: Wilson, Kimberly L. Party Politics and National Identity in Taiwan's South China Sea Claims: Don't Rock the Boat // *Asian Survey* Vol. 57. No. 2 (March/April 2017). P. 284.

27. Ее главными отличительными чертами являются: выдвижение оборонительных линий на дальние морские рубежи, строительство островной инфраструктуры и приватизация ресурсов ЮКМ.

линии и демонстрации какой-либо общности с КНР в подходах к претензиям. Впрочем, это удастся далеко не всегда. Наилучшая иллюстрация позиции Гоминьдана — взгляды Ма Инцзю, юриста по образованию со специализацией в области морского права²⁸. В связи с этим понятно, что президент Тайваня сыграл большую роль в формулировании претензий Тайваня как при его администрации, так и впоследствии, после 2016 г.

В 2014 году в интервью газете «Нью-Йорк таймс» он сказал: «В 1947 году Китайская Республика опубликовала карту своих территорий в ЮКМ, поэтому наши претензии вполне понятны». Из слов Ма Инцзю следует, что он рассматривает карту как претензию только на территории, а не на исторические воды.

В 2015 г. на Азиатско-тихоокеанском научном форуме, организованном Международной юридической ассоциацией и Американским обществом международного права, президент Ма провозгласил отличную от ДПП Мирную инициативу для ЮКМ и изложил свою позицию по претензиям Тайваня на суверенитет²⁹.

В своем заявлении Ма Инцзю, претендуя на участки суши в пределах линии, на саму эту линию не ссылается. Он отмечает, что претензии основаны на международном праве, но не поясняет, **как именно** на них следует претендовать согласно международному праву, если не считать ссылки на эффективную оккупацию острова Тайпин.

Что касается Тайпина, то правооснования на него Гоминьдан и ДПП формулируют по сути одинаково и непротиворечиво. Однако гораздо менее ясно из заявления Ма, почему он уверен, что согласно международным нормам Тайвань имеет неоспоримые права на **другие** объекты суши в ЮКМ. Действительно, после того как Ма Инцзю провозгласил свою мирную инициативу в ЮКМ, ДПП публично призвала его разъяснить взаимосвязь этой инициативы с позицией КНР и ее международно-правовые основания. Отвечая на этот вопрос, президент смог сказать лишь, что КР выдвинула все претензии раньше, чем КНР (то есть в 1947 г.), и посему КНР в этом отношении просто следует в фарватере КР, особенно в том, что касается ЮКМ.

Этот краткий диалог помогает пояснить различия между двумя ведущими политическими партиями по поводу ЮКМ. Соглашаясь во всем, что касается острова Тайпин, они расходятся в отношении всех прочих участков суши в этом море. Бывший президент Ма Инцзю уверен, что имеет все юридические основания претендовать на все природные объекты в ЮКМ в пределах линии 1947 года и ссылается в этом смысле на наследие Китайской Республики, тогда как ДПП не видит возможности легализовать любые подобные претензии.

На фундаментальном уровне Гоминьдан должен оставаться приверженным «пунктирной линии» как одной из главных политических скреп, поскольку отказ от нее подрывает концепцию общенациональной идентификации, отстаиваемой партией. Статья 4 Конституции Китайской Республики гласит, что территория Китайской Республики в ее существующих национальных границах не подлежит изменению³⁰. Поэтому отказ от любых изначальных территориальных претензий КР (включающих в себя континентальный Китай и все его острова) угрожает конституционным основам. Выступая против полной независимости от Китая, Гоминьдан обязан бороться при этом за нерушимость конституции КР.

Выдвигая в 2015 г. свою Инициативу по мирному урегулированию споров в Южно-Китайском море, отличную от аналогичной инициативы Чэнь Шуйбяня, Ма Инцзю

28. Wilson, Kimberly L. Party Politics and National Identity in Taiwan's South China Sea Claims: Don't Rock the Boat // *Asian Survey* Vol. 57. No. 2 (March/April 2017). P. 288.

29. President Ma's remarks at opening ceremony of "2015 ILA-ASIL Asia-Pacific Research Forum". URL: http://www.roc-taiwan.org/in_en/post/45.html (accessed: 28.07.2021).

30. The Constitution of the Republic of China. URL: <http://www.Taiwandocuments.org/constitution01.htm> (accessed: 28.07.2021).

явно рассчитывал обрести политическую поддержку со стороны как КНР, так и стран АСЕАН. Впрочем, в том, что касается «откладывания споров и урегулирования их мирными способами», а также прочих благостных словесных конструкций — заявок на «совместное развитие», «сотрудничество в разработке ресурсов», «участие в механизмах диалога и регионального сотрудничества» и пр. — инициативы двух ведущих партий почти не различаются. Ма Инцзю попытался также перехватить у ДПП «экологическую повестку», предложив сделать остров Тайпин одним из отправных пунктов осуществления Инициативы, превратить его в базу для миротворческих и спасательных операций, а также в экологически чистый и низкоуглеродный остров. Ма Инцзю отметил, что на Тайпине уже создана минимально необходимая инфраструктура для такой деятельности (маяк, пристань, госпиталь и телемедицинская служба, фотоэлектрическая система, различное энергосберегающее оборудование), и предложил Дорожную карту по осуществлению своей Инициативы³¹.

Конец 2015-начало 2016 гг. — период беспрецедентной активности официального Тайбэя в ЮКМ. 12 декабря 2015 года министр внутренних дел Чэнь Вэйцзэнь возглавил группу правительственных чиновников, прибывших на Тайпин на церемонию открытия обновленной пристани и взлетно-посадочной полосы, а также нового маяка. 23 января 2016 года министр иностранных дел Дэвид Линь посетил Тайпин с группой экспертов по естественно-научным (вода, почва, растительность) и правовым вопросам. Вывод, к которому пришла бригада экспертов, сводится вкратце к следующему: с точки зрения права, экономики и географии, остров Тайпин отвечает требованиям, предъявляемым к островам, как это предусмотрено в статье 121 Конвенции, поскольку способен по своим природным характеристикам поддерживать жизнь людей и их экономическую деятельность.

Нет сомнения, что причинами подобной активности стали по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, это нарастающая экспансия КНР в направлении островов группы Наньша и начало строительства там искусственных островов. Во-вторых — близившийся к завершению процесс рассмотрения иска Филиппин к Китаю, призванный дать ответ на 15 вопросов, поставленных филиппинской стороной, и вынести заключение о правомерности использования ресурсов моря близ островов ЮКМ согласно Конвенции, об исторических правах на ЮКМ и законности «9-ти пунктирной линии». И в-третьих — в условиях обозначившейся уже в 2015 году (и случившейся в январе 2016 г.) смены власти на Тайване, уходящей гоминьдановской администрации было важно показать, что она не в меньшей степени, чем ДПП, стоит на страже территориального суверенитета Тайваня и его морских прав.

Возвращение ДПП к власти (2016–2021). Оспаривание вердикта гаагского трибунала

В 2016 г. на Тайване к власти вновь приходит ДПП во главе с Цай Инвэнь. Партия была и остается после переизбрания Цай Инвэнь на новый президентский срок в 2020 г. радикальной противницей концепции «одна страна-две системы». Как известно, ДПП позиционирует Тайвань на международной арене и среди жителей острова как независимое и самостоятельное государство. К территориальным вопросам в ЮКМ ДПП имеет собственный оригинальный подход, о чем говорилось выше.

31. Три этапа «Дорожной карты» таковы: 1. В краткосрочной перспективе — совместное откладывание споров и начало многостороннего диалога и консультаций; 2. В среднесрочной перспективе — некое «комплексное планирование»; 3. В долгосрочной перспективе — создание механизма развития этой зоны посредством двустороннего или многостороннего сотрудничества на основе концепции «общего выигрыша». Эта многообещающая политическая схема весьма общего характера особых расхождений с аналогичными инициативами Пекина не содержит.

При этом заявление от имени нового правительства, озвученное 31 мая 2016 г., на 11-й день после инаугурации Цай Инвэнь, выглядело на первый взгляд вполне традиционно по сути и не вполне определено в плане географии: «Правительство нового президента будет и впредь придерживаться 60-летней давности претензии на океанские воды между юго-западным побережьем Тайваня и Сингапуром. Тайвань также будет продолжать присутствовать на крупнейшем из островов ЮКМ, находящемся под его контролем, и содействовать совместному использованию морских ресурсов всеми претендентами»³². Более того, на брифинге всплыл ушедший на задний план дискурс «исторических земель». Обозреватели полагали, что такая постановка вопроса могла быть призвана вызвать симпатии властей КНР, но должна была насторожить страны ЮВА³³.

Особенности тайваньской позиции на новом этапе правления ДПП проявились довольно скоро. О них можно заключить, сравнивая официальные заявления Тайваня и КНР по поводу вердикта арбитража (ППТС) в июле 2016 года³⁴.

Заявление, выпущенное канцелярией президента Цай Инвэнь, содержало три основных утверждения:

Первое из них практически повторяло основную позицию КНР. Оно гласило, что «Китайская Республика имеет все права (權利) на острова Южно-Китайского моря и их соответствующие воды в соответствии с международным правом и морским правом». Во втором абзаце заявления эта же мысль была сформулирована еще более определенно. Тайвань подтверждает, что суверенитет (主權) над всеми островами ЮКМ (南海諸島) принадлежит ему (Китайской Республике) и объявляет о «готовности со всей решимостью защищать его от конкурентов».

Напомним, что изначальной претензией в адрес арбитражной процедуры со стороны КНР, высказанной еще в 2014 г., фактически до начала слушаний по существу дела, был как раз отказ трибунала разбираться с территориальным суверенитетом в ЮКМ (то есть с правами собственности на острова и скалы) и ограничиться исключительно морским правом (трактовкой Конвенции). Определение статуса тех или иных объектов было необходимо главным образом для подтверждения прав на морские пространства: территориальные воды и ту или иную ИЭЗ.

Отвергая эту претензию КНР, Трибунал постановил, как известно, что «поскольку Китай не имеет правооснований на исключительную экономическую зону, которая на островах Спратли накладывается на филиппинскую зону, исковые требования Филиппин не требуют предварительной делимитации границы»³⁵. По мнению же китайской сторо-

32. *Jennings R.* New Taiwan Leadership Takes Tough Stance on Disputed South China Sea. URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/05/31/new-taiwan-leadership-extends-tough-stance-on-disputed-south-china-sea/?sh=2f70d8ca246f> (accessed: 25/07/2021). См. также: *Hsiao, Anne Hsiu-An.* “Taiwan and the Arbitral Tribunal's Ruling: Responses and Future Challenges” // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 38 No. 3. 2016. Pp. 362–368. JSTOR. URL: <https://www.jstor.org/stable/24916760>. (accessed: 11.03.2021).

33. *Jennings R.* New Taiwan Leadership Takes Tough Stance On Disputed South China Sea. URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/05/31/new-taiwan-leadership-extends-tough-stance-on-disputed-south-china-sea/?sh=2f70d8ca246f> (accessed: 25/07/2021).

34. В обоих случаях их было два: одно опубликовано от имени правительств, другое — от имени министерств иностранных дел соответственно Тайваня и КНР. См.: “ROC Position on the South China Sea Arbitration”, ROC Ministry of Foreign Affairs, 12 July 2016. URL: http://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=1EADDCFD4C6EC567&s=5B5A9134709EB875 (accessed: 24.06.2021).

35. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines V. The People's Republic of China). Press Release. URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Press-Release-No-11-English.pdf> (accessed: 28.06.2021).

ны, предметом арбитража, инициированного Филиппинами, по сути являлся вопрос территориального суверенитета над некоторыми островами и рифами архипелага Наньша. Решение именно этого вопроса должно, по убеждению Пекина, предшествовать разграничению морских пространств между Китаем и Филиппинами. На этом основании КНР отказывала арбитражу в правомочности.

Как видим, и Тайвань, и КНР усмотрели в самом факте арбитражного разбирательства и его выводах угрозу своему суверенитету в ЮКМ, а следовательно — территориальной целостности, которую различные политические силы Тайваня понимают по-разному.

Второе утверждение в заявлении Цай Инвэнь демонстрирует разницу в идентификации и статусе «двух Китаев». Если КНР с самого начала объявила об отказе участвовать в судебном процессе³⁶, то Тайвань, при любом удобном случае позиционируя себя на международной арене в качестве отдельного государства, просто посетовал, что «Арбитражный суд формально не приглашал КР для участия в своем разбирательстве и не запрашивал мнение КР». Явный намек на то, что при поступлении такого приглашения (что невозможно себе представить в современной геополитической ситуации) Тайвань мог бы и согласиться на участие в слушаниях. А трибунал сильно обидел Тайвань еще и потому, что называл его в своих документах «тайваньскими властями Китая» (“Taiwan Authority of China”). В заявлении, опубликованном от имени министерства иностранных дел, тайваньское правительство сочло это обозначение «неуместным» и «унизительным для КР как суверенного государства».

Третье утверждение обращает на себя внимание приверженностью Тайваня к иному, нежели в дипломатии КНР, формату решения территориальных споров. КР настоятельно призывает урегулировать конфликты в Южно-Китайском море путем многосторонних переговоров и обещает работать со всеми заинтересованными государствами на основе равенства. КНР же, соглашаясь на словах на сотрудничество со всеми странами АСЕАН и даже участвуя уже который год в разработке общего для всего региона ЮВА «Кодекса поведения в ЮКМ», по-прежнему считает для себя единственно возможным способом решения территориальных и иных конфликтов в ЮКМ двусторонние переговоры.

Сколь бы ни были важны эти три утверждения, ключевым моментом в обоих тайваньских заявлениях является, по моему мнению, критика результатов рассмотрения Трибуналом правового статуса конкретной территории — острова Иту Аба: «Решения трибунала, особенно в отношении статуса острова Тайпин, серьезно ущемляют интересы и подрывают права Китайской Республики»³⁷.

Вполне можно предположить, что, если бы Тайпин в вердикте ППТС вообще не фигурировал, отклик правительства Тайваня на трибунал мог бы быть куда менее негативным. Судя же по материалам арбитражного процесса, Иту Аба в буквальном смысле слова стал главным камнем преткновения в заочной дискуссии тайваньских и филиппинских представителей.

Почему в своем вердикте Трибунал пришел к выводу, что ни один из островов, согласно установлениям Конвенции, не способен обеспечить право на исключительную экономическую зону? Ответ на этот вопрос можно найти в материалах арбитражного дела, в одном из весьма здравых соображений, высказанных филиппинской стороной.

36. КНР сослалась на положения статьи 298 Конвенции, предусматривающей возможность для любого государства заранее заявить, что оно не принимает одну или несколько процедур, в отношении споров, касающихся делимитации морских границ, или споров, связанных с историческими заливами или правооснованиями.

37. ROC government position on the South China Sea arbitration. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/20574> (accessed: 28.07.2021).

Филиппины напомнили Трибуналу, что одной из целей статьи 121(3) Конвенции и международного права в целом является сдерживание чрезмерных претензий государств во избежание ситуации опасной неопределенности. Что здесь имелось в виду? Приведем цитату из вердикта целиком:

«Вывод о том, что такой крошечный объект, как Иту Аба, может получить права на континентальный шельф и ИЭЗ, подстегнет и без того опасные споры о суверенитете в этом районе (и, возможно, в других частях мира) и будет увеличивать ущерб, уже причиненный хрупкой природной среде Южно-Китайского моря, поощряя государства предпринимать дальнейшие усилия по утверждению своих притязаний. Такой исход дела будет несовместим с основными положениями и целями Конвенции, а именно с целью "содействовать мирному использованию морей и океанов, справедливому и эффективному использованию их ресурсов, сохранению живых ресурсов, а также изучению, защите и сохранению морской среды"»³⁸.

Как представляется, именно поэтому, вняв по данному пункту доводам одной из сторон, трибунал включил Иту Аба в число «скал», не имеющих согласно Конвенции прав на ИЭЗ, несмотря на то, что при изолированном рассмотрении конкретной ситуации на этом объекте по большинству объективных параметров «естественного состояния» (размер, пресная вода, растительность, почвы и т.д.) он явно должен считаться островом, а следовательно — обладать 200-мильной ИЭЗ.

Заключение. КНР и Тайвань в ЮКМ: вместе или порознь?

Тайваньские эксперты и политики, во главу угла ставящие общность с континентальным Китаем, обычно выступают за то, что претензии на ЮКМ надлежит выдвигать «по максимуму». Они уверяют, что КНР и Тайвань сделали «одинаковые ставки» в территориальных спорах и сотрудничество между берегами пролива в этом отношении обещает быть плодотворным. Другими словами, «пунктирная линия» не дезавуируется, а напротив, иногда становится основой претензий не только в КНР, но и на Тайване.

Другая группа аналитиков концептуально подходит иначе: «необходимо защищать исконные права Китая в море, не упоминая при этом о КНР». В заявлениях тайваньского МИДа обычно говорится о земельных объектах в ЮКМ, а не об исторических правах на море или о «пунктирной линии». В период правления ДПП количество объектов суши в ЮКМ, на которые претендует Тайвань, вообще снижается до двух (Тайпин и Дунша). Тем не менее, традиционный подход не только ко всем объектам в ЮКМ, но и к самому морю как к «наследию предков» регулярно выходит на первый план в публичной полемике.

Можно утверждать, что за последние 15–20 лет в тайваньском политическом поле сформировался полный спектр взглядов на проблему ЮКМ, а официальная позиция Тайваня отличается изменчивостью и зависит от того, какая партия или коалиция доминирует в данный момент на этом поле³⁹.

На крайнем левом фланге находится крайне незначительное меньшинство (точная цифра может быть получена лишь в результате масштабных социологических опросов, которые на эту тему не проводились), полагающее, что никаких претензий в ЮКМ не следует выдвигать вообще, а кроме того нужно уйти с фактически контролируемых Тайванем островов Тайпин и Пратас, ибо затраты на их содержание велики, а удержать их за собой в случае серьезного военного конфликта с любой из стран практически невозможно.

38. Параграф 440 вердикта ППТС. См.: The South China Sea Arbitration Award of 12 July 2016. URL: the diplomat 2016-07-12 09-15-50.pdf.

³⁹ Подробнее см.: *Wilson, Kimberly L.* Party Politics and National Identity in Taiwan's South China Sea Claims: Don't Rock the Boat // *Asian Survey*. Vol. 57. No. 2 (March/April 2017). P. 280 и далее.

Позиция, характерная для большинства сторонников ДПП: основой претензий является эффективная оккупация, поэтому несмотря на периодические традиционного свойства заявления о правах на все объекты ЮКМ, являющиеся рудиментом имперского сознания и имеющие целью, в частности, «успокоить» КНР, основная политическая цель тем не менее скромна и конкретна: обеспечить признание за Тайванем прав на острова Тайпин и Пратас.

Позиция, обычно отстаиваемая Гоминьданом, по двум основным пунктам схожа с позицией КНР: пунктирная линия в правильной интерпретации обозначает все участки суши в ее пределах, а суверенитет на эти объекты лежит в основе любых прав на морские пространства вокруг и природные ресурсы.

И наконец — условно крайне правая, «максималистская» позиция, наиболее близкая политике КНР в регионе — следует отстаивать наличие исторических вод либо прочих исторических прав Китая, обозначенных пунктирной линией, помимо тех, что возникают исключительно из обладания участками суши в пределах линии.

Как показывают специальные исследования, национальная идентичность является одним из структурообразующих принципов в политике. Применительно к ЮКМ это означает, что взгляды на эту проблему жителей Тайваня варьируют в зависимости от их представлений о взаимосвязи Тайваня и КНР. Но это не единственный фактор, определяющий претензии и действия Тайваня. Важнейшую роль играет нереализованное и вряд ли реализуемое в обозримом будущем желание получить признание со стороны всех прочих стран-участниц спора. Тайвань как частично признанное государство давно, хотя и не слишком успешно, борется за полноценное участие в международных политических процессах самого разного типа. В этом стремлении сходятся между собой все тайваньские политические силы. В целом можно утверждать, что внутренняя политическая динамика Тайваня непосредственно формирует его внешнеполитические претензии, в том числе и официальную позицию по ЮКМ.

Литература

- Васильев Д., Шавлай Э. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии // *Азия и Африка сегодня*, 2020, № 7.
- Дикарев А.Д. Политические и правовые последствия вердикта гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю // *Общество и государство в Китае: XLVIII научная конференция*. Москва, Институт востоковедения РАН, 2018. Вып. 48. Ч. 1.
- Chung, Chris P.C. "Drawing the U-shaped line: China's claim in the South China Sea, 1946–1974" // *Modern China*, 2016, 42, 1 (Jan.).
- Hayton, B. The Modern Creation of China's 'Historic Rights' Claim in the South China Sea // *Asian Affairs*, 2018. Vol.49. Issue 33.
- Hayton, B. 'The Modern Origins of China's Claims in the South China Sea: Maps, Misunderstandings, and the Maritime Geobody' // *Modern China*, 2019. Vol. 45 (2).
URL: <https://doi.org/10.1177/0097700418771678>.
- Hsiao, Anne Hsiu-An. "Taiwan and the Arbitral Tribunal's Ruling: Responses and Future Challenges" // *Contemporary Southeast Asia*, 2016. Vol. 38. No. 3.
- Jennings R. New Taiwan Leadership Takes Tough Stance On Disputed South China Sea.
URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/05/31/new-taiwan-leadership-extends-tough-stance-on-disputed-south-china-sea/?sh=2f70d8ca246f> (accessed: 05.07.2021).
- Joyner, Christopher C., 'The Spratly Island Dispute: What Role for Normalizing Relations between China and Taiwan?' // *New England Law Review*, 1998. Vol. 32. Issue 3.
- De Lisle, Jacques. 'Troubled Waters: China's Claims and the South China Sea' // *Orbis*, 2012. Vol. 56. Issue 4.
- Nordhaug, Kristen. 'Taiwan's Policies in the South China Sea 1988–99' // *Pacific Review*, 2001. Vol. 14. Issue 4.
- Song, Yann-huei and Yu, Peter Kien-hong. 'China's "Historic Waters" in the South China Sea: An Analysis from Taiwan, R.O.C.' // *American Asian Review*, 1994. Vol. 12. Issue 4.

- Song, Yann-Huei and Zou Keyuan. 'Maritime Legislation of Mainland China and Taiwan: Developments, Comparison, Implications, and Potential Challenges for the United States' // *Ocean Development & International Law*, 2000. Vol. 31. Issue 4.
- Sun, Kuan-Ming. 'Policy of the Republic of China towards the South China Sea' // *Marine Policy* Vol. 19. Issue 5. 1995.
- Wang, Kuan-Hsiung. The ROC's Maritime Claims and Practices with Special Reference to the South China Sea // *Ocean Development & International Law*, 2010. Vol. 41.
- Wilson, Kimberly L. Party Politics and National Identity in Taiwan's South China Sea Claims: Don't Rock the Boat // *Asian Survey*. Vol. 57. No. 2 (March/April 2017).
- Wu, Jaushieh Joseph. The Future of U.S.-Taiwan Relations 14/05/2014.
URL: <http://thediplomat.com/2014/05/the-future-of-u-s-taiwan-relations> (accessed: 25.07.2021).
- Zou Keyuan. Historic Rights in International Law and in China's Practice // *Ocean Development & International Law*, 2001. Vol. 32.
- Zou Keyuan and Liu Xincheng. "The Legal Status of U-shaped line in the South China Sea and its Legal Implications for Sovereignty, Sovereign Rights and Maritime Jurisdiction" // *Chinese Journal of International Law*, 2015. Vol.14. Issue 1.
- 傅崐成. «南海U形疆界线的法律性质» // 社会观察 (3, 2014) : [Fu Kuncheng. Legal character of the U-shaped border line in the South China Sea]. (In Chin.).
URL: https://www.guancha.cn/FuKunCheng/2014_04_01_214711.shtml?web (accessed: 05.7.2021).

On the History of Formation of the Modern Taiwan Stance on the Rights to Maritime Features and Area in the South China Sea

Andrey D. Dikarev

Leading researcher, Center for Eastern Asia and SCO Studies, Institute for International Research, MGIMO-University (address: 119454 Moscow, Prospect Vernadskogo, 76). ORCID: 0000-0002-9888-7708. E-mail: andreydikarev@yahoo.com.

Received 02.08.2021.

Abstract:

The article highlights the history of formation of the official Taiwanese discourse on the problems of territorial affiliation and legal claims to the islands in the South China Sea. Two leading political parties of Taiwan (the Guomindang and DPP) have substantial differences in their approach to the sovereignty on the features in the SCS and "historical rights" to the sea. Details are given about reasons for emergence and disappearance of the concept of "historical waters" in the Taiwanese law, which allegedly should have been subject to the jurisdiction of the Republic of China. Taiwan's activities on the two features in the SCS aimed at demonstrating their "effective occupation" are highlighted. The official stance of different administrations and its changes are considered in detail. While sharing the same approach to the status of Taiping island, the Guomindang and DPP disagree on affiliation of all other land features in the SCS. When considering the interpretation of the notorious "U-shaped line" by Taiwanese politicians, a conclusion is made about the actual proximity of the foreign policy stances of the PRC and the Guomindang, which are based on the idea of the common Chinese identity, revealed by a significant part of the Taiwan inhabitants. As for the approach of DPP to the problem of the SCS, the determining factor here is the Taiwanese identity of its supporters. This further complicates the situation: the DPP, on the one hand, proclaims sovereignty over all the SCS facilities to demonstrate unity with the PRC on the issue of China's territorial integrity, on the other hand — pragmatically recognizes the impossibility of actual exercising its nominal sovereignty over the disputed territories. Thus an obvious contradiction between theory and practice in the Taiwanese policy is revealed. The nuances of Taiwan's attitude to the award of the Hague Tribunal on the Philippines vs China case are elucidated. The reasons of the Tribunal's refusal to provide the status of island to the biggest feature in Nansha group are determined.

The article was prepared with the support of the RFBR grant 20-514-07003 «Problems of the Development of Russian-South Ossetian relations and integration initiatives in the conditions of economic and diplomatic restrictions».

Key words:

Taiwan, PRC, Guomindang, DPP, South China Sea, islands, territorial disputes, identity.

For citation:

Dikarev A.D. On the History of Formation of Modern Taiwan Stance on the Rights to Maritime Features and Area in the South China Sea // *Far Eastern Studies*. 2021. No. 4. Pp. 38–52. DOI: 10.31857/S013128120016121-4.

References

- Chung, Chris P.C. Drawing the U-shaped line: China's claim in the South China Sea, 1946–1974 // *Modern China*, 2016, 42, 1 (Jan.).
- Dikarev A.D. Politicheskie i pravovye posledstviya verdikta gaagskogo tribunala po isku Filippin k Kitayu [The legal discourse and political consequences of the Hague tribunal award on Philippines vs. China Arbitration case] // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, Vypusk 48. Chast'1. Moskva, Institut vostokovedeniya RAN, 2018. (In Russ.).
- Hayton, B. The Modern Creation of China's 'Historic Rights' Claim in the South China Sea // *Asian Affairs*, 2018. Vol. 49. Issue 33.
- Hayton, B. The Modern Origins of China's Claims in the South China Sea: Maps, Misunderstandings, and the Maritime Geobody // *Modern China*, 2019. Vol. 45(2).
URL: <https://doi.org/10.1177/0097700418771678>.
- Hsiao, Anne Hsiu-An. Taiwan and the Arbitral Tribunal's Ruling: Responses and Future Challenges // *Contemporary Southeast Asia*, 2016. Vol. 38. No. 3.
- Jennings R. New Taiwan Leadership Takes Tough Stance On Disputed South China Sea.
URL: <https://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/05/31/new-taiwan-leadership-extends-tough-stance-on-disputed-south-china-sea/?sh=2f70d8ca246f> (accessed: 05.07.2021).
- Joyner, Christopher C. The Spratly Island Dispute: What Role for Normalizing Relations between China and Taiwan? // *New England Law Review*, 1998. Vol. 32. Issue 3.
- De Lisle, Jacques. Troubled Waters: China's Claims and the South China Sea // *Orbis*, 2012. Vol. 56. Issue 4.
- Nordhaug, Kristen. 'Taiwan's Policies in the South China Sea 1988–99 // *Pacific Review*, 2001. Vol. 14. Issue 4.
- Song, Yann-huei and Yu, Peter Kien-hong. China's "Historic Waters" in the South China Sea: An Analysis from Taiwan, R.O.C. // *American Asian Review*, 1994. Vol. 12. Issue 4.
- Song, Yann-Huei and Zou Keyuan. 'Maritime Legislation of Mainland China and Taiwan: Developments, Comparison, Implications, and Potential Challenges for the United States' // *Ocean Development & International Law*, 2000. Vol. 31. Issue 4.
- Sun, Kuan-Ming 'Policy of the Republic of China towards the South China Sea'. *Marine Policy* Vol. 19. Issue 5. 1995.
- Vasiliev D., Shavlai E. Yuzhno-kitaiskoe more v protivostoyanii KNR i SHA v Azii [The South China Sea in the confrontation of PRC and USA in Asia] // *Aziyai i Afrika segodnya*, 2020, 7 (In Russ.).
- Wang, Kuan-Hsiung. The ROC's Maritime Claims and Practices with Special Reference to the South China Sea // *Ocean Development & International Law*, 2010. Vol. 41.
- Wilson, Kimberly L. Party Politics and National Identity in Taiwan's South China Sea Claims: Don't Rock the Boat // *Asian Survey*. Vol. 57, No. 2 (March/April 2017).
- Wu, Jaushieh Joseph. The Future of U.S.-Taiwan Relations 14/05/2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/05/the-future-of-u-s-taiwan-relations> (accessed: 25.07.2021).
- Zou Keyuan. Historic Rights in International Law and in China's Practice // *Ocean Development & International Law*, 2001. Vol. 32.
- Zou Keyuan and Liu Xincheng. The Legal Status of U-shaped line in the South China Sea and its Legal Implications for Sovereignty, Sovereign Rights and Maritime Jurisdiction" // *Chinese Journal of International Law*, 2015. Vol. 14. Issue 1.
- 傅崐成. 南海U形疆界线的法律性质 // 社会观察 (3, 2014) : [Fu Kuncheng. Legal character of the U-shaped border line in the South China Sea]. (In Chin.).
URL: https://www.guancha.cn/FuKunCheng/2014_04_01_214711.shtml?web (accessed: 05.7.2021).